

Заведение «Дикий кабан» снаружи выглядело как обычный деревенский дом. Соломенная крыша, створчатая дверь из некрашенных сосновых досок, а рядом на гвозде висели плетёная шляпа и дождевой плащ из травы — всё это создавало ощущение простоты и старины, будто перенесённой из прошлого.

Такая аутентичная, лишённая намёка на современность обстановка обладала неотразимой притягательностью для городских туристов, которые, устав от мегаполиса, искали в горах освобождения и возвращения к истокам.

Позади заведения шумела бамбуковая роща. Когда ветер пробежал по листьям, воздух наполнялся их свежим, терпким ароматом. На высоте за две тысячи метров это место казалось настоящим убежищем от мирской суеты. Цинь Чаншэн подумала, что даже если здесь подают обычную свинину вместо дикого кабана, туристы, жаждущие «поэзии, далёкой от грязи денег», наверняка найдут в этих простых блюдах вкус подлинной, нетронутой природы.

Внутри «Кабана» было просто: несколько столов с засаленными краями, длинные скамьи, выкрашенные в красный, прилавок, а за ним — кухня с небольшим окошком для подачи. За стойкой сидела смуглая девушка в чёрном фартуке. Увидев, как входят Цинь Чаншэн и её спутницы, она даже не подняла головы, продолжая листать ленту на телефоне.

Сюй Цзин уже едва держалась на ногах от усталости. Цинь Чаншэн подошла к стойке и спросила про местные специалитеты. Девушка, не отрываясь от экрана, ткнула большим пальцем в сторону красного меню, висевшего на стене: «Заяц в котелке, дикие травы в котелке, тушёный дикий кабан. Вот и всё. Всё дикое, натуральное».

Цинь Чаншэн скользнула взглядом по ценам и мысленно усмехнулась. В зале сидело несколько посетителей. Из кухонного окошка высунулась рука с дымящимся блюдом — мясо, залитое ярко-красным маслом, пахло перцем и жареным луком. Порция, впрочем, была небольшой. Смуглая девушка крикнула: «Тушёный кабан!» — и снова уткнулась в телефон.

Рядом откинулась занавеска, и появился парень с подносом. Он вытер руки об фартук и засуетился: разносил еду, убирал пустую посуду. Цинь Чаншэн снова посмотрела на большое красное меню, задержавшись на цифре «199» рядом с тушёным кабаном.

Заведение и впрямь не стеснялось.

Но именно эта бесстыдность и привлекала тех, у кого деньги были.

Одной порции кабана на троих явно не хватило бы. Цинь Чаншэн, стоя у стойки, достала из сумки кошелёк, вынула пять хрустящих розовых купюр и, скрывая внутреннюю досаду, положила их на прилавок: «По одной порции каждого фирменного блюда. И три риса, пожалуйста».

Её жест — щедрый, без раздумий — был полон показной уверенности. Девушка наконец оторвалась от телефона, подняла на неё глаза и улыбнулась: «Туристы?»

Она взяла деньги, отсчитала сдачу, прокричала заказ на кухню и снова повернулась к Цинь Чаншэн с той же улыбкой. Хотя на эту гору часто приезжали любители дичи, готовые платить, редкий клиент расставался с деньгами так легко, без ворчания и споров.

Все знали, что цены завышены до небес. Но чтобы кто-то платил так охотно и безропотно — такое случалось нечасто.

Цинь Чаншэн сдержанно кивнула. Девушка, возвращая сдачу, спросила уже с искренним интересом: «Надолго к нам?»

Цинь Чаншэн, казалось, обрадовалась возможности поболтать: «Да, мы туристы. Впервые в Сычуани. Собирались на Эмэйшань, но услышали, что Цзишань — самая высокая гора в провинции, вот и приехали сюда».

Услышав это, девушка буквально оживилась. Цинь Чаншэн вела себя как типичная неопытная путешественница, студентка на первых каникулах. Такие гости были для неё настоящим подарком.

Смуглая девушка улыбнулась ещё шире: «На Цзишань — правильно! Горы в Сычуани, конечно, на каждом шагу, но таких высоких, как наша, — раз-два и обчёлся. Если бы не эта ваша Эмэйшань с их Эмэйской школой да Цинчэншань с Цинчэнской, разве бы они были популярнее нашей горы? А ведь и у нас когда-то была своя школа, да только не прославилась. Если планируете задержаться, я знаю одну гостиницу — условия отличные, цены низкие. Дайте телефон, я хозяйке позвоню. Скажете, что от меня, — знакомым скидка делает!»

Цинь Чаншэн охотно согласилась, про себя же подумала: «Как же, пойду я туда, чтобы твоя «знакомая» из меня последние соки выжала».

Цинь Чаншэн, однако, не отходила от стойки, делая вид, что заинтересовалась темой: «Да, мы как раз планируем пару дней здесь пожить. По дороге мало каких гостиниц видели, а нам что-нибудь пооригинальнее хочется. Но кроме смотровой площадки мы про гору Цзи ничего и не знаем. Может, ещё что интересное есть?»

Девушка тут же оживилась: «Ещё как есть!»

И пустилась в пространные объяснения.

Цинь Чаншэн, полуоблокотившись на стойку, с вежливой улыбкой слушала её восторженный рассказ о местных деликатесах — диком кабане, вяленом мясе, каких-то невиданных целебных травах, а также о достопримечательностях вроде «Деревни дикарей» и «Скальной тропы».

Цинь Чаншэн послушала, но ничего полезного не услышала, и вовремя перебила поток речи: «Слушай, а ведь раньше здесь, на горе, кто-то погиб, да? Где именно это было?»

Девушка замолчала, будто слова застряли у неё в горле. Её лицо напряглось, в голосе прозвучало раздражение и местный говор: «Сестра, ты что, меня дразнить пришла?»

Но, вспомнив о недавно полученных деньгах, она сдержалась и терпеливо пояснила: «У нас такой обычай — о покойниках не говорят. Только заикнись, и нашему заведению три года удачи не видать!»

Цинь Чаншэн усмехнулась. Она наклонилась к девушке поближе, снизив голос до почти шёпота: «Я всего лишь спросила. Дело-то тёмное, говорят, место происхождения до сих пор не нашли. А мы народ любопытный. Полиция, может, и не знает, но ты-то здесь живешь, наверняка больше нижних знает!»

Девушка прищурилась, разглядывая Цинь Чаншэн. Та, не переставая улыбаться, достала из сумки ещё несколько купюр, прижала их локтем к стойке и тихо спросила: «Много нам не надо. Твоя забегаловка здесь давно стоит, дичь у тебя уникальная. Слышала, те студенты, что погибли, тоже к тебе заходили. Это тебе на семечки, за то, что потолковали. Неужели ты их

совсем не помнишь?»

Девушка по-прежнему пристально смотрела на неё. Она вдруг полезла под стойку, достала маленькое блюдечко с жареными семечками, взяла одно и щёлкнула его зубами — громко, отчётливо.

Прошло несколько секунд молчания, пока они изучали друг друга. Наконец девушка усмехнулась. Всё её прежнее радушие и навязчивость куда-то испарились, сменившись лёгкой усталостью. «Сколько ты уже на воле?» — спросила она.

Цинь Чаншэн взглянула на неё и наконец поняла: перед ней тоже своя, из того же мира.

Только пути у них, видимо, разные.

Цинь Чаншэн вздохнула про себя и ответила: «Год».

Девушка кивнула и небрежно протянула руку: «Меня зовут Цин Чжу».

Сердце Цинь Чаншэн ёкнуло. Цин Чжу... «Цин Чжу Нань Шу»*«преступления, которые не перечислить и на всей бамбуке»*? Имя, которое носят лишь те, чьи злодеяния не поддаются описанию.

Цин Чжу фыркнула, словно угадав её мысли, взяла телефон и с усмешкой подтвердила: «Да, именно так. Цин Чжу, как в «Цин Чжу Нань Шу»».

Она глянула на экран, затем с любопытством посмотрела на Цинь Чаншэн: «Как ты догадалась, что я тоже из наших?»

<http://bllate.org/book/16269/1464105>